

УТОПИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ: К ИДЕЯМ КАРЛА МАРКСА

Г.Р. Клейс

Аннотация. 1516, 1818 и 1917 гг. отмечены тремя великими событиями в календаре спекуляций вокруг утопий. Рождение Карла Маркса и годовщина большевистской революции явно переплетаются. Для нас 1516 также остается значимым, поскольку мы наблюдаем, как идеи Томаса Мора развиваются, и в итоге кульминацией их становится учение К. Маркса. Но так ли это? В данной статье содержатся попытки представить идеи К. Маркса через призму утопической формы социальности, а также оценить, почему система Маркса не смогла реализоваться после 1917 года. Делается вывод о том, что если можно извлечь что-то полезное из учения К. Маркса, то это утопический, а не якобы научный компонент в его системе.

Ключевые слова: Карл Маркс, марксизм, утопия, дистопия, социальность.

UTOPIA AND REVOLUTION: TOWARDS THE IDEAS OF KARL MARX

G.R. Claeys

Abstract. The years 1516, 1818 and 1917 mark three great events in the calendar of utopian speculation. The birth of Karl Marx and the anniversary of the Bolshevik revolution are clearly intertwined. 1516 remains significant too, especially insofar as we see Thomas More's aspirations culminating in the movement Marx founded. But did they? The paper considers the proposition that Marx sought a utopian form of sociability, then briefly assesses why Marx's system failed to materialise after 1917, but then equally insists that if we can retrieve something useful from Marx, it is the utopian rather than the supposedly «scientific» component in his system which remains compelling.

Keywords: Karl Marx, Marxism, utopia, distopia, sociability.

ВВЕДЕНИЕ

Сначала давайте определим, что есть утопия. Если мы предположим, что утопизм состоит из трех аспектов, а именно идеологии, литературы и сообществ, стремящихся к реализации «хорошей жизни» для соответствующей группы, то «идеальные общества», очевидно, маркируются акцентом на дружбе и солидарности. В утопии люди относятся друг к другу лучше, чем обычно: это так просто. Их общительность «усилена» сверх нормы. Они обмениваются собственностью и связаны коллективистским и часто эгалитарным духом и чувством взаимного благополучия. Они также живут в режимах прозрачного надзора, которые подавляют возможность нарушения норм. В их экстремальных формах дистопии эти связи слишком тесны и душат человека. Здесь преобладает страх, а не дружба. Однако дистопия иногда подражает утопической общительности, создавая то, что Лешек Колаковский называет «обязательной солидарностью» [Kolakowski, 1983, p. 237].

Позвольте мне теперь обратиться к Марксу и спросить, насколько его система стремилась пропагандировать такой идеал социальности. В 1844–1848 гг., отделяя себя от своих предшественников-социалистов, Маркс классифицировал как «утопистов» тех, кто не рассматривал пролетариат в качестве потенциального агента изменений и мечтал о «Новом Иерусалиме», а не предполагал насильственное свержение капитализма. Маркс начинал свою карьеру как критик, как радикальный гуманист. В 1843–1844 гг., когда его мысли по этому вопросу оформились, он принял концепцию Людвиг Фейербаха, чтобы описать идеал гармонии, на который он нацелился, а также критическую точку зрения на капитализм. Даже обмен должен был быть «эквивалентен видовой деятельности и видовому духу, реальному, сознательному и истинному способу существования, который является социальной деятельностью и социальным наслаждением» [Elster, 1986, p. 216–217]. В 1845–1846 гг. Маркс отказался от этого взгляда в пользу антиидеалистической перспективы, которая предполагала, что социальные отношения будущего растут из настоящего. В последующие моменты жизни он все же подчеркнуто дистанцировался от «утопистов». Например, уважая Парижскую коммуну, Маркс повторял, что у рабочих «нет готовых утопий, чтобы представить их людям *par décret*... У них нет идей для реализации, но чтобы утвердить элементы нового общества, которыми старое разрушающееся буржуазное общество беременно» [Elster, 1986, p. 216–217].

Тем не менее, этот нарратив уже давно находится под подозрением. Маркс продолжал восхищаться не только ранними социалистами, особенно схемой сотрудничества Роберта Оуэна и теорией образования, но и требованием Чарльза Фурье о преодолении узкой специализации. Он также поддержал в дальнейшей жизни тот идеал, который он определил к 1844 г. как конечный пункт революционного процесса, а именно создание общества, которое могло бы воспитать «всестороннее» развитие. Идею многогранности разделили немецкие писатели-просветители, такие как Шиллер и Лессинг. У Маркса это было противопоставлением угнетенному узкому разделению труда, который является объектом «Парижских

рукописей» 1844 г., и о чем Гегель писал еще в 1802 г. в отношении Адама Фергюсона, в частности.

Теорию идеологии «Немецкой идеологии» часто понимают как релятивистскую мораль в том смысле, что мораль и религия не имеют истории, а являются лишь частью надстройки и изменяются по мере изменения способа производства. Тем не менее, всесторонность служит идеалом Маркса как до, так и после 1845 г. «Всесторонность» не является, однако, теорией социальности как таковой. Маркс использует ее как защиту того, что он назвал «солидарностью», позже более точно описанную как «сотрудничество». В коммунистическом обществе, говорит нам Маркс в 1845 г., «подлинное и свободное развитие индивидов» будет «определяться именно связью индивидов, которая частично соотносена с экономическими предпосылками и отчасти с необходимой солидарностью [Solidarität] свободного развития всех и, наконец, универсальным характером деятельности отдельных лиц на основе существующих производительных сил»¹.

И до, и после 1845 г. идеал Маркса состоял из двух компонентов — всесторонности и солидарности. Оба они были не просто идеалами, а фактически существовали и росли из возникающих производственных отношений. Маркс в 1844–1845 гг. четко рассматривал отношения между людьми или социальность как ключевую меру прогресса всего человечества. Существует мало сомнений в его негативном отношении к жадности и эгоизму. Цель, которую он описал в 1845 г., состояла в том, чтобы «освободить [человека] от грязи выгоды» и положить конец «рабству для получения выгоды и своей собственной, и эгоистичной потребности других людей». Это было бы достигнуто путем обеспечения того, чтобы «каждому человеку нужно было предоставить социальную сферу для активного проявления своего бытия. Если человек формируется окружением, окружающая его среда должна быть человеческой», что было ключевым моментом для Оуэна. Однако в 1844 г. Маркс не представил разработанную теорию социальности. Его нежелание аплодировать энтузиазму Энгельса за коммунитаризм лишило его стратегии для разработки концепции. После нападок Макса Штирнера на коммунизм Маркс застенчиво говорит о «государстве, основанном на любви» или новой религии «общества», фразах, связывающих его с другими социалистами, такими как Моисей Гесс и Карл Грюн, а также с Оуэном и Сен-Симоном.

Тем не менее, как солидарность, так и всесторонность остаются идеалами в более поздних работах Маркса. Grundrisse и Capital способствуют солидарности, сотрудничеству, обществу «свободных производителей», самоактуализации и всесторонности. Если утопизм состоит в стремлении к идеальной форме общества, определяемой усиленной социальностью, то Маркс четко соответствует этому определению. В 1860-х гг. Маркс все же отрицал, что он «утопист». Он имел в виду, что кооперация возникла в капитализме как модель будущих экономических отношений. Это

¹ Позднее Маркс и Энгельс свяжут фразу о «свободном развитии всех способностей» с Сен-Симоном, а «привлекательный труд» — с Фурье.

производство было возможным «без существования класса мастеров, использующих рабочий класс». «Сотрудничество» теперь станет мостом от капитализма к коммунизму, где демократия выходит за рамки политики и экономики. Часто цитируемое заявление в «Немецкой идеологии», озадачившее столько комментаторов, что «коммунизм для нас – это не состояние дел, которое должно быть установлено ... Мы называем коммунизм настоящим движением, которое отменяет нынешнее состояние вещей», которое в 1845–1846 гг. было смутным утверждением, теперь точно описывает этот процесс. И поэтому Энгельс описал бы будущее с точки зрения «общества, организованного для совместной работы на плановой основе, чтобы обеспечить всем членам общества средства существования и свободного развития их возможностей и действительно в постоянно возрастающей мере» [Maguire, p. 234].

Есть, однако, ряд других критериев, в рамках которых мы можем назвать Маркса утопистом. Помимо уже описанного смысла, Маркс был «утопическим» в нейтральном или положительном смысле по крайней мере по семи причинам. Первым и самым очевидным является то, что пропаганда коммунизма была связана с традицией, определенной «Утопией» Томаса Мора (1516). В 1845 г. Маркс, Энгельс и Гесс спроектировали «библиотеку лучших зарубежных социалистических писателей», в которую вошли Томас Мор и Кампанелла. Вторая – упорная враждебность Маркса к специализации. Джон Элстер рассматривает его как «одну из наиболее утопических идей Маркса о том, что при коммунизме не будет слишком специализированных профессий», и, таким образом, «не будет больше живописцев, только люди, которые помимо всего прочего рисуют». Маркс и Энгельс, очевидно, обращались к Фурье, изображая будущее коммунистическое общество в хорошо известном, хотя и противоречивом отрывке, «где никто не имеет исключительной сферы деятельности, но каждый может стать совершенным в любой отрасли, о которой он мечтает, общество регулирует общее производство и, следовательно, дает возможность сделать одно дело сегодня и другое завтра, чтобы охотиться по утрам, ловить рыбу днем, крупный рогатый скот вечером, критиковать после обеда, так же, как у меня есть ум, никогда не становясь охотником, рыбаком, пастухом или критиком» [Elster, 1986, p. 43]. Однако этот чрезвычайно яркий образ, столь явно не соответствующий современному городскому, промышленному видению коммунизма, подразумеваемому в «Коммунистическом манифесте», озадачил многих комментаторов. Энгельс повторил в 1847 г., что «разделение труда, в результате которого один человек станет крестьянином, другой сапожником, третий – фабричным рабочим, четвертый – биржевым маклером», «полностью исчезнет». В будущем «образование позволит молодым людям быстро пройти всю систему производства ... переходить от одной отрасли промышленности к другой в соответствии с потребностями общества или их собственными склонностями, и поэтому оно освободит их от этой односторонности, которая в настоящее время разделяет рабочих и маркирует их. Таким образом, коммунистическая организация общества даст своим членам возможность всестороннего осуществления способностей, которые

получили всестороннее развитие» [Elster, 1986, p. 348, 353]. Это финальное описание «всесторонности», очевидно, объединило схемы Фурье и Оуэна. Важнейшим вопросом здесь является то, насколько Маркс в более поздний период своей жизни поддерживал эту перспективу. Критика Готской программы (1875) описывает коммунизм как «порабощающее подчинение индивидов при разделении труда, а вместе с ним и антитезу между умственным и физическим трудом» [Löwith K., 1949, p. 45]. Энгельс в 1872 г. говорил о необходимости «отменить антитезу между городом и деревней», отметив, что в планах Фурье и Оуэна его больше не существует, и что это связано с устранением «современных больших городов» [Lovell D W., 1986, p. 18]. Эту сентенцию ввели в современное, урбанистическое видение, которое мы имеем в большей части позднего марксизма. Но он оставляет нерешенным, среди прочих вопросов, вопрос о том, как далеко мы хотим зайти, чтобы общество определялось дилетантизмом.

В-третьих, остается вопрос о политике. В 1843 г. Маркс решил, что существующие государства лишь отражают классовые конфликты в гражданском обществе, такие, что «человеческая эмансипация» не может произойти в политической сфере. Отвергая идею Гегеля о том, что нейтральная бюрократия может быть арбитром в классовой борьбе, он теперь считает, что государственная власть как функция классовых антагонизмов «вымрет», когда классы исчезнут. Вместо этого коммунистическое общество будет привлекать только демократическое управление или «администрацию» «вещей», а не «правительство людей». Это, конечно, вызывает много вопросов о возможности разногласий даже в бесклассовых обществах. Тем временем, однако, демократический контроль стал ключом к освобождению рабочих и решил политически то, что было частично экзистенциалистским, психологическим вопросом в 1844 г.

Четвертое утопическое предположение Маркса состоит в том, что социальное поведение резко улучшилось после прекращения частной собственности. Ирин Фетчер утверждает, что «одна из центральных идей Маркса заключалась в том, что люди настолько сильно изменились благодаря социалистической революции, что они спонтанно ведут себя в духе солидарности и не заботятся об обществе» [Fetscher, p. 45]. Как и большинство социалистов, Маркс считал, что частная собственность является главным источником социальных преступлений, особенно краж, насилия и проституции. Его идеал имеет квазимилланский подтекст и видится в таких моментах, как светская версия провиденциального развития. Маркс, вероятно, скрывал предположения Мореля о взаимном наблюдении. Здесь также есть намеки на эссенциалистскую теорию человеческой природы, особенно в связи с идеалом поведения рабочего класса. Близость, доверие и взаимная поддержка слышатся как намеки на противоположности принуждения, эксплуатации и страха.

Пятое утопическое предположение Маркса заключается в увязывании самых ранних фаз общества с последней стадией. Е.Н. Карр видит, что Маркс делится с утопистами «своей концепцией примитивного состояния, из которого человек продолжал

свое развитие, и будущего государства, к которому в конечном итоге придет человек», написав, что «по этим важным моментам сам Маркс не внес ничего оригинального и не может быть верным учеником утопических социалистов» [Carr, p. 81]. Прimitивному коммунизму не хватало классово-борьбы. Новый синтез высшего будущего сохранит некоторые его атрибуты. Но в то время как большинство первобытных обществ имеют гораздо более сильное чувство групповой ответственности, чем современные, будущему обществу необходимо смягчить, если не отменить тот эгоизм, которому способствовал капитализм. Интерес Маркса к русским коммунам ясно свидетельствует о том, что некоторые более ранние общества предлагали понять, как будущие коммунистические организации могут избежать этой проблемы. В конце концов, он пришел к выводу, что коммунальная собственность «индийского происхождения» и может «быть найдена среди всех народов Европы в начале их развития» [Carr, p. 81]. Тем не менее, любая социальность, очевидная здесь, должна была уравниваться приверженностью Манифеста всестороннему развитию на высшей фазе промышленного развития, которое порождало «всестороннюю зависимость, эту первичную естественную форму всемирно-исторического сотрудничества отдельных лиц».

В-шестых, мы помним, что Маркс ожидал, что достижения в социализации, особенно в смягчении принуждения, насилия и угнетения, которые были бы очевидны в маломасштабных общинах, можно было бы распространить на уровне национального государства. Проблема масштаба здесь чрезвычайно важна. Многие, что работает с несколькими тысячами человек, на уровне коммуны, может быть невозможно с миллионами или с другой организационной структурой. Однако Маркс мог предположить, что основные кооперативные подразделения будут выполнять некоторые из функций, ранее связанных с мелкомасштабными добровольными или принудительными сообществами. Например, Мао Цзэдун, конечно, сделал это позже.

В-седьмых, идеал «коммунистического общества» часто описывается, например Стивеном Лукесом, как «утопия» Маркса и Энгельса. Это должно было стать конечной целью, условием мира и многого, похожего на Золотой век или христианский рай, который нельзя было бы превзойти. Здесь пролетариат найдет свое истинное призвание. На вопрос, что такое коммунизм, Хо Ши Мин однажды ответил: «Никто больше не будет эксплуатироваться, мы будем любить друг друга, и все мы будем равны». Эти утверждения не могли быть превзойдены в этой жизни: это было небо на земле.

Ни одно из этих утопических качеств как таковое не снижает ценность видения Маркса. Разграничение их просто помогает прояснить, как мы должны понимать его и судить его идеи и предложения: как реалистичные или нет. Рубель назвал Маркса «величайшим из социальных утопистов», даже «самых утопических утопистов», именно потому, что он «дал социалистической утопии рациональную основу, связывая этический постулат о реализации социализма с научным законом разрушения капитализма и имманентные последствия этого для человеческого

поведения». Другие, однако, увидели бы только эти атрибуты, возможно, наименее утопический аспект наследия Маркса.

Мы видели здесь, однако, что сочетание Марксом идеала всесторонности с экономическим сотрудничеством и демократическим общественным контролем представляет собой четкий идеал эмансипации рабочего класса, особенно путем предоставления большего количества свободного времени и освобождения от тяжелой работы путем использования больше машин. По иронии судьбы, это именно то, что является самым утопическим в Марксе, а именно это видение будущего, а не то, что является самым «научным» (материалистическая концепция истории и теория прибавочной стоимости), что придает ему величие. И утверждение Маркса о способности человечества к всестороннему развитию кажется прочным, ценность его остается незапятнанной.

МАРКС И РЕВОЛЮЦИЯ

Позвольте мне теперь перейти к большевистской революции 1917 г., после чего, как нам хорошо известно, цели Маркса, к сожалению, не были реализованы. Мы не можем сегодня рассмотреть все причины этого. Но давайте укажем на более очевидные, прежде чем вернуться к вопросу о степени отношения Маркса к ним.

Разумеется, ключевой проблемой Октябрьской революции было то, что ее совершила нация с подавляющим большинством крестьян и немногочисленным пролетариатом. После 1905 г. некоторые полагали, что только небольшая группа хорошо организованных профессиональных революционеров может свергнуть самодержавие. Как только модель массовых партий, которую Маркс одобрил, была отброшена в пользу высоко централизованной заговорщической группы, возможность массовой демократии, развивающейся вне революции, была ограничена. Тем не менее, был, очевидно, ряд ключевых поворотных моментов в перерождении революции в диктатуру, особенно с 1917 по 1921 год, которые заслуживают упоминания.

Пять таких точек отмечают этот процесс. Первым был большевистский переворот в октябре 1917 г., который положил конец Временному правительству и перспективе многопартийной демократии. Затем Ленин разгромил оппозицию внутри своей партии и других партий (меньшевиков, эсеров и анархистов), а также профсоюзов и кооперативов. В-третьих, предположение о том, что партия, а не пролетариат, собранная только в Советах, представляет собой прямое движение революции. В-четвертых, последовала личная диктатура Ленина. Наконец, появилось полицейское государство с принятием власти ЧК внутри, вне и над партией. Для многих это последнее было наиболее опасным, а по мысли ветерана революции Виктора Сержа, возможно, «самой серьезной и наиболее недопустимой ошибкой из всех, которые большевистские лидеры совершили в 1918 г.» [Serge, 1973, p. 81]. С самого начала большевики явно считали любые средства оправданными для сохранения

своей власти. «Наша нравственность, — сказал Ленин, — полностью подчинена интересам классовой борьбы пролетариата ... Мораль — это то, что служит уничтожению старого эксплуататорского общества» [Conquest, p. 41]. Теперь был открыт способ к уничтожению жизни около двадцати миллионов советских граждан в чистках и в ГУЛАГе во имя быстрой индустриализации и создания социалистического общества.

На всех этих этапах отношение к оппозиции как таковой является центральным. Ленинская концепция оппозиции была названа «самой высокой» среди факторов, порождающих советский авторитаризм. В 1918 г. Ленин настаивал на том, что «оппозиция — это концепция, которая принадлежит мирной и только парламентской борьбе» [Lenin, v. 3, p. 53]. Ленин, казалось, воображал, что если бы он и партия представляли интересы рабочего класса, то все, что было против них или даже вне их, было враждебным, неправильным, несправедливым или «буржуазным» и должно было быть искоренено. Главными соперниками на ранних этапах были меньшевики. В феврале 1921 г. меньшевистское правительство в Грузии было выслано, а партия, которая потребовала отменить ЧК, была объявлена вне закона. Некоторым видным меньшевикам и анархистам было разрешено отправиться в изгнание. Затем последовало подавление Кронштадтского восстания в марте 1921 г. Кронштадтские моряки искали «свержения партийной диктатуры и возвращения к советской демократии». Это была последняя возможность реализовать эти идеалы при большевизме. Но они были беспощадно раздавлены. На 10-м партийном съезде, проведенном во время восстания, Ленин заявил, что «сформировать разные группы (особенно перед съездом), конечно, допустимо (а значит, и для голосования)». Но, добавил он, «это должно быть сделано в рамках коммунизма». Партии он сказал, что «независимо от того, какую роскошь обсуждения мы разрешили себе, правильно или неправильно, в прошлом, мы теперь признаем необходимость большей гармонии и единства, чем когда-либо прежде» [Maximoff, 1979, p. 260]. Свободная пресса, настаивал он, означала «свободу политической организации буржуазии и ее самых доверенных слуг — меньшевиков и социал-революционеров ... это значит, чтобы помочь классовому врагу».

Подавление всей оппозиции оставалось совместимым с утопическими устремлениями. Ленин считал, что в конечном итоге временное пролетарское государство как «полусостояние» «отмирает» и «люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественной жизни без насилия и без подчинения». В коммунистическом обществе будет полная «личная» свобода, без каких-либо внешних норм, регулирующих отношения между людьми — другими словами, саморегулируемая деятельность без ограничений. Так и Лев Троцкий, вторя Сен-Симону и Марксу, предвидел в 1920 г. время, когда сама Коммунистическая партия исчезла, заменив Высший совет народного хозяйства. Между тем было создано общество, которое вскоре стало более явно дистопией, чем утопией. По мере того, как сеть наблюдения и подозрения все больше и больше нависала над населением, страх перед другими доминировал в повседневной жизни, действительно, в 1950-х гг. История, таким

образом, имела тенденцию судить о революции 1917 г. Однако, если колоссальная неудача, несомненно, была также благородным экспериментом, и тот, чей самый провал позволил нам построить лучшее общество именно, показывая нам, как не надо продолжать.

УТОПИЯ, МАРКС, РЕВОЛЮЦИЯ

Позвольте обратиться к конкретной роли утопии в этом процессе, в частности к утопии Маркса, а затем кратко спросить, насколько актуальна последняя сегодня. Маркса часто обвиняют в утопизме в отрицательном смысле, обычно в сочетании с более широким провалом коммунистических режимов 20-го века. Лешек Колаковский, например, обвиняет свою систему в утопизме, «потому что он основан на конкурирующих ценностях свободы и социального единства». Критики, подобные Эрику Воегелину, просто стремясь к совершенству человека, говорят о том, что видение Маркса в начале 1840-х гг. было квазирелигиозным. Джон Магуайр описывает «раннюю версию коммунизма» Маркса как «дико утопическую» (например, когда мы видим конец всем конфликтам между человеком и природой и человеком и человеком), но видит это как Манифест, где идея отмена всех различий была заменена на прекращение частной собственности на средства производства [Maguire, 1978, p. 234].

Я пытаюсь отделить предположения, которые мы могли бы более правильно обозначить тысячелетними из тех, которые лучше описываются как «утопические». Эти традиции совпадают как исторически, так и концептуально, и Маркс и Энгельс признали их тесную взаимосвязь. Однако, принимая Томаса Мора в качестве шаблона, утопизм представляет собой, по существу, светскую традицию поиска более совершенного общества путем институциональной реорганизации. Милленианизм, напротив, создает гораздо более совершенное общество, в котором поведение человека значительно лучше среднего, и оно обусловлено ожиданием крайней новизны и моральной чистки, которая устраняет грех. В своей светской форме это не требует никакого божественного вмешательства, но дополняет постоянное стремление современников к полной новизне, полному изменению и приверженности совершенству. Разница здесь может показаться одной из ступеней: никакого преступления в тысячелетнем состоянии, преступления и даже рабства в утопии. Но он также может измерять расстояние между реализмом и совершенством. И степень совершенства, которую мы ожидаем, вполне может быть пропорциональна принуждению и репрессиям, которые мы желаем предпринять при ее создании. Массовое убийство может показаться уместным для спасения человечества. Для снижения уровня преступности, по крайней мере, кажется контрпродуктивным. В разное время Маркса вполне можно было видеть, как придерживаться обеих тенденций. Но обычно признается, что язык «эмансипации человека» 1844 г. уступил место к концу 1850-х гг. более скромному предположению, что рабочие могут стремиться к всесторонности, когда у них будет достаточно свободного времени.

Но величайшие катастрофы, сопровождающие реализацию видения Маркса, исходили из крайних темпов модернизации, которые она подразумевала, во-первых; а затем, во-вторых, как мы видели, требуется отношение к оппозиции, которое Ленин и другие предполагали «диктатурой пролетариата». Стремясь к индустриализации, ясно, что Ленин и даже больше Сталин выбрали быстрый путь к утопии. Значительная часть ущерба, который был вызван их отношением к крестьянству, и карательный характер коллективизации и антикулацких кампаний. Старая тема о прозрачности и взаимном наблюдении также породила общество, в котором доверие было редким, и подозрительность нормой. Таким образом, такие средства никогда не будут иметь утопических целей. Высшая солидарность молодого Маркса, направленная на то, как членство в партии и идеализм комсомольцев, оставалась неуловимой в более широком обществе. Если бы было много и даже избытка, история могла бы быть иной. Но они не были.

НАСЛЕДИЕ МАРКСА

Сегодня утопический, а не научный Маркс остается привлекательной фигурой. С положительной стороны выделяются три черты в системе Маркса. Во-первых, его видение будущего. Бедность можно победить — и многое другое. Свободное время все еще может быть востребовано всеми. Мы работали 500 лет — теперь мы можем остановиться. (Однако почему мы повышаем пенсионный возраст?) Маркс считал, что машины освободят много времени для многих людей. Новый всплеск механизации теперь может сделать это возможным. Сегодня утопические предложения указывают на «пост-капиталистическое» и «пострабочее» общество. Идея универсального базового дохода соответствует как системе социального обеспечения, так и на постоянному дефициту хорошо оплачиваемых рабочих мест. Эти предложения могут показаться бледной тенью идеи отмены всего подневольного состояния. Но это, безусловно, шаг в правильном направлении.

Во-вторых, мы видели, что образ будущего у Маркса основывался на его теории отчуждения и его аналог — идеале всестороннего развития. С некоторыми изменениями, применить это к 21-му веку нетрудно. Долгие часы работы, механизация, более низкая заработная плата и сокращение пенсий угрожают даже средним классам. Миллионы рабочих сползают в прекариат и все больше озабочены собственной занятостью, здоровьем и будущим. В менее развитом мире большое число фабричных рабочих до сих пор живут в условиях викторианской эпохи. Вне работы одиночество повсюду становится все более серьезной проблемой. В больших городах мы все больше отчуждены от окружающих нас людей, даже наших собственных семей. По мере роста разводов увеличивается количество одиноких людей, и наше чувство ответственности перед пожилыми людьми снижается. Эгоизм и конкурентоспособность имеют более высокую ценность, чем общительность, уважение к нуждающимся и альтруизм. Наше чувство общности уменьшается. Те, с кем мы сталкиваемся на улицах, по большей части незнакомы с нами и представляются

объектами угрюмого пренебрежения или даже неприятия. В политической сфере ощущение господства и неконтролируемость нашей жизни является сильным, а апатия широко распространена. В досуге и культуре преобладают навязчивые идеи потребления и стремления к роскоши. По мере того, как мир природы постоянно крутится вокруг нас, и мы становимся все более урбанистическими, мы в меньшей степени являемся его частью, чем когда-либо. Наша социальность (или скорее социальность) уменьшается и в других областях. Возрастает зависимость от машин. В общественных местах музыка и мелькающие изображения все больше отвлекают от разговора и прямого человеческого взаимодействия. В эпоху «дружбы» Facebook и обсессивно-компульсивного использования смартфонов личное взаимодействие часто занимает второе место после виртуального. Здесь фетишистская технология буквально сливает нас с товаром, а отключение от наших устройств приводит к дезориентации и ощущению потери власти и смысла. Все это указывает на массовое усиление технологически вызванного отчуждения, хотя не все формы иллюзии и альтернативной реальности относятся к этой категории. В культурном отношении массовые манипуляции, в том числе в последнее время, национализм и ксенофобия заставляют нас вступать в дальнейшее противостояние. Таким образом, отчуждение остается крайне важным способом описания нашего состояния, хотя многие из этих форм происходят не от капитализма, а от нашего отношения к машинам. И немногие стремятся к «освобождению» или «освобождению» от «одномерности».

В-третьих, системный анализ капитализма Маркса остается крайне актуальным. Маркс подчеркивал органическую природу любого способа производства, его постоянную склонность к изменениям и мотивацию ключевых участников неустанными корыстными интересами. Его центральным предположением является приоритет экономических факторов. Концентрация богатства и рост неравенства в начале XXI века беспрепятственно продолжают существовать. Общества неравенства являются жестокими и менее счастливыми даже для богатых. Жадность проявлена ярче, чем когда-либо. В этом направлении мы не продвигаемся. Только до тех пор, пока бедные и средние классы не поймут, что успех богатых существует за их счет, любые изменения не будут возможными. Однако доминирующая идеология препятствует этому восприятию, и культурная стабильность, таким образом, маскирует или компенсирует растущую политическую нестабильность. Выборы можно выиграть или проиграть по прихотям нескольких манипулятивных миллиардеров, готовых финансировать пропагандистские кампании. В эпоху пост-правды идеологическая манипуляция сильнее, чем когда-либо. Здесь теория идеологии Маркса, подкрепленная идеями Грамши, Франкфуртской школы и других теоретиков гегемонистской массовой манипуляции, а также ее критиков, таких как Олдос Хаксли и Джордж Оруэлл, необходимы больше, чем когда-либо. В культурном марксизме может отсутствовать альтернатива, в особенности историческая альтернатива революционного пролетариата. Но его критика остается полезной для настоящего.

Сегодня Маркс остается мыслителем, у которого все еще есть ответы для нас. Сегодня марксистская программа может попытаться укротить международную финансовую систему; контролировать или ликвидировать налоговые бреши; сделать финансовые операции максимально прозрачными. Он признал бы, что окружающая среда имеет приоритет, которого не хватало во времена Маркса, и что альтернативная схема индустриализации, порожденная марксизмом-ленинизмом, сейчас не работает. Ключевым моментом сегодня, пожалуй, является то, что Маркс был готов осудить настоящее как неадекватное, предложить видение гораздо лучшего далекого будущего и потребовать его достижения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И позвольте мне снова вернуться к нашей теме солидарности. Мы можем дискутировать по поводу того, что мы должны делать с наследием Маркса. Но актуальность его теории в отношении солидарности как центрального социалистического принципа для нас абсолютно очевидна.

Лешек Колаковский считает, что проект Маркса утопичен, потому что он основан на конкурирующих ценностях свободы и социального единства. Но многие также видят политику Маркса, преследуемую стремлением к социальному и интеллектуальному единству, которое некоторые считали осуществимыми только в жестокой форме деспотизма. Вопрос о том, предвосхитил ли Маркс полное единство человечества и вытеснение отчужденного труда, привел ли к тоталитаризму, потому что эти базовые ценности вряд ли могут быть реализованы иначе — это другой вопрос. И не все утопии являются видениями единого общества. Величайшая фантазия нашего века была разоблачена и полностью забыта.

Должны ли мы тогда сказать, что весь эпизод с Марксом был всего лишь трагической ошибкой? На самом деле мой ответ — нет. Нам приходит в голову, что значительная степень автономии возможна в обществе, семье, на работе и в политике. Как только мы начинаем наслаждаться этим, независимость приобретает большую ценность. Нам не нужна теория прибавочной стоимости, чтобы определить ее ценность. Как вы знаете, в этой области мы продвигаемся главным образом, разговаривая друг с другом. Это одна из сильных сторон нашего взаимодействия — нам не нужно видеть работу друг друга в печати, чтобы противостоять, бросать вызов, наказывать, аплодировать. Общение, личное, прямое, действительно, является центральной темой самой утопии. Утопия не была «нереальной», но представляла собой «более рациональное и справедливое использование ресурсов, минимизацию разрушительных конфликтов и расширение сферы свободы. В конечном итоге появилась возможность создать «всестороннюю личность» Маркса, хотя и основанную на удовольствии, а не на творчестве, и которая не имеет отношения к пролетариату.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Conquest R. V.I. Lenin. USA: HarperCollins Distribution Services, 1972. 142 p.
- Croce B. The Imaginary Passage of Marxism from Utopia to Science // *Essays on Marx and Russia*. Selected and translated, with an introd. by Angelo A. De Gennaro. New York: F. Ungar Pub. Co., 1966. 129 p.
- Brocheux P. Ho Chi Minh. A Biography. New York: Cambridge University Press, 2007. 265 p.
- Bukharin N.I. Selected Writings on the State and the Transition to Socialism. Translated, edited, and introduced by Richard B. Day; with forewords by Stephen F. Cohen and Ken Coates. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1982. 351 p.
- Elster J. An Introduction to Karl Marx. New York: Cambridge University Press, 1986. 200 p.
- Fetscher I. Marx and Marxism. Herder and Herder, 1971. 354 p.
- Kolakowski L. The Death of Utopia Reconsidered // *The Tanner Lectures on Human Values*. Cambridge University Press, 1983. Pp. 229-247.
- Lenin V.I. Selected Works. New York: International Publishers, 1971. 798 p.
- Lovell D.W. From Marx to Lenin. An Evaluation of Marx's Responsibility for Soviet Authoritarianism. New York: Cambridge University Press, 1984. 239 p.
- Löwith K. Meaning in History: the Theological Implications of the Philosophy of History. Chicago: University of Chicago Press, 1949. 257 p.
- Maguire J. Marx's Theory of Politics. New York: Cambridge University Press, 1978. 251 p.
- Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston: Beacon Press, 1969. 91 p.
- Maximoff G.P. The Guillotine at Work: Twenty Years of Terror in Russia (Data and Documents). Brooklyn, New York: Revisionist Press, 1975. 624 p.
- Serge V. Memoirs of a Revolutionary. Oxford University Press, 1973. 521 p.
- Walicki A. Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom: the Rise and Fall of the Communist Utopia. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1995. 641 p.

REFERENCES

- Conquest R. V.I. Lenin. USA: HarperCollins Distribution Services, 1972. 142 p.
- Croce B. The Imaginary Passage of Marxism from Utopia to Science, in *Essays on Marx and Russia*. Selected and translated, with an introd. by Angelo A. De Gennaro. New York: F. Ungar Pub. Co., 1966. 129 p.
- Brocheux P. *Ho Chi Minh. A Biography*. Cambridge University Press, 2007.
- Bukharin N.I. *Selected Writings on the State and the Transition to Socialism*. Translated, edited, and introduced by Richard B. Day; with forewords by Stephen F. Cohen and Ken Coates. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1982. 351 p.
- Elster J. *An Introduction to Karl Marx*. New York: Cambridge University Press, 1986. 200 p.

- Fetscher I. *Marx and Marxism*. Herder and Herder, 1971. 354 p.
- Kolakowski L. The Death of Utopia Reconsidered, in *The Tanner Lectures on Human Values*. Cambridge University Press, 1983. Pp. 229-247.
- Lenin V.I. *Selected Works*. New York: International Publishers, 1971. 798 p.
- Lovell D.W. *From Marx to Lenin. An Evaluation of Marx's Responsibility for Soviet Authoritarianism*. New York: Cambridge University Press, 1984. 239 p.
- Löwith K. *Meaning in History: the Theological Implications of the Philosophy of History*. Chicago: University of Chicago Press, 1949. 257 p.
- Maguire J. *Marx's Theory of Politics*. New York : Cambridge University Press, 1978. 251 p.
- Marcuse H. *An Essay on Liberation*. Boston: Beacon Press, 1969. 91 p.
- Maximoff G.P. *The Guillotine at Work: Twenty Years of Terror in Russia (Data and Documents)*. Brooklyn, New York: Revisionist Press, 1975. 624 p.
- Serge V. *Memoirs of a Revolutionary*. Oxford University Press, 1973. 521 p.
- Walicki A. *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom. The Rise and Fall of the Communist Utopia*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1995. 641 p.